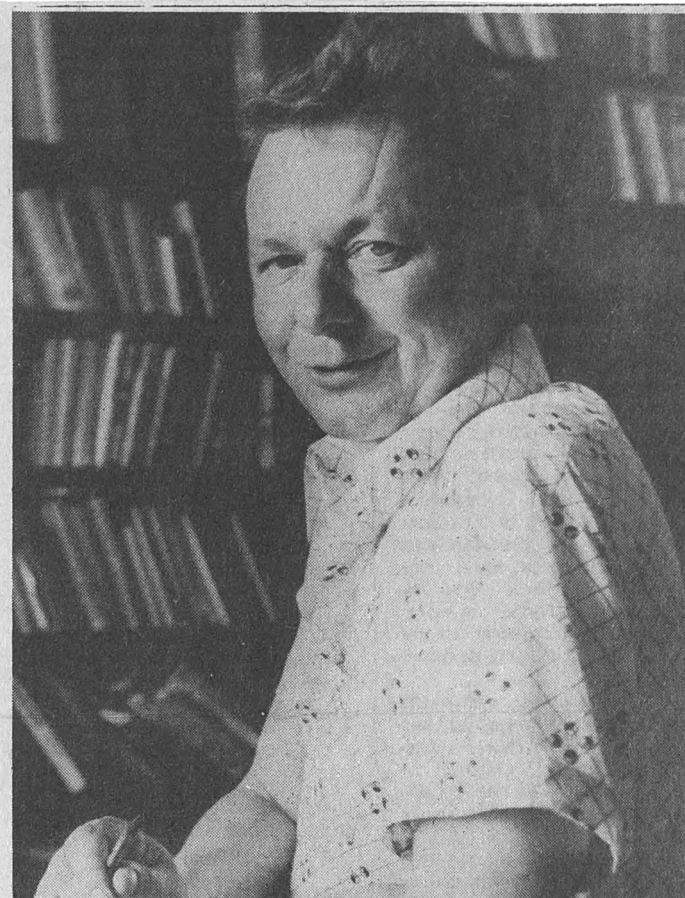

В МИРЕ ТВОРЧЕСТВА

2204

Беседы в антрактах

СНОВА ЛОГИКА ПАРАДОКСОВ

поневоле» приходится не-
сладко. Один из них после
выхода «Монумента» был да-
же вынужден отключить те-
лефон, дабы ему перестали
досаждать звонками.

KOPP: Вы сейчас вспо-
нили «Монумент» — первый
роман, принесший вам широ-
кую известность, роман, пе-
реведенный на многие язы-
ки не только в нашей стране,
но и за ее пределами. Имя
его героя — Свена Вооре ста-
ло нарицательным. Не так
давно московский театр «Со-
временник» поставил спек-
такль по «Монументу».

Спектакль никогда не мо-
жет быть идентичен лите-
ратурной первооснове. Что
нового открыла вам работа
московских артистов и ре-
жиссера В. Фокина?

Э. Ветемаа: Главное — она
доказала жизненность, прав-
дивость материала. По-мое-
му, Свен Вооре в исполнении
Константина Райкина выгля-
дит очень узнаваемым и
очень реальным...

KOPP: Спектакли по ва-
шим пьесам идут во многих
театрах страны, в Чехосло-
вакии, Болгарии, Венгрии, го-
товятся постановка «Снова
горе от ума» в Англии. Как
вы считаете, могут ли быть
у литературного произведе-
ния какие-то географические
или национальные границы?

Э. Ветемаа: Уверен, что
нет. Географию произведе-
ния определяет только его
качество, его уровень, его
идея...

Фото Ф. Ключика.

В МОСКВЕ, в издательстве
«Советский писатель»,
вышла в свет новая
книга прозы Энна Вете-
маа. Маленькие романы
«Монумент», «Яйца по-ки-
тайски» и «Реквием для губ-
ной гармонии» — уже изве-
стны русскому читателю. Пере-
вод «Воспоминаний Калевипоз-
га» включен в сборник впер-
вые.

Сегодня мы предлагаем вни-
манию читателей беседу наше-
го корреспондента Е. Скуль-
ской с популярным эстонским
писателем Энном Ветемаа.

KOPP: Энн, ход вашей
творческой мысли, постоян-
но экспериментирующей над
обстоятельствами и героями,
побуждал называть ваши про-
изведения «логикой парадок-
сов». Трагизм и ирония —
два ведомых в сложном спо-
собе познания человеческой
личности — побуждали на-
зывать вас «Фаустом в маске
Мефистофеля». Героями
ваших произведений неиз-
менно становились интелли-
генты, те, кому «под силу»
было следовать за вами по
саду Разума, разыскивать
там различные идеи и рас-
ставлять им «силки».

Но вот, после исследова-
ний уже «маленьких роман-
нов» и пьес, написанное новое
произведение — бурлеск «Во-
споминания Калевипозга».
Многих оно поставило в тупик.
И не потому, что жанр
нов. «Переодевание» мифов,
легенд, эпосов пользуется
успехом с античных времен.
(Достаточно вспомнить «Бат-
рахомиомахию», а потом ро-
ман Сервантеса, а потом пьесы
нашего современника Дюр-
ренматта). Поставил в тупик
не жанр, но его конкрет-
ное воплощение. Опасливо (а
порой и с явным недоволь-
ством) следил целый ряд чи-
тателей за «пересказом»
«Калевипозга» Крейцвальда,
за последовательным при-
землением его героя, за объ-
яснениями с позиций чисто
житейской логики его по-
ступков...

Э. Ветемаа: Не буду скры-
вать, сразу после выхода
книги на эстонском языке я
получил немало раздражен-
ных писем. Их авторы — в
основном преподаватели ли-
тературы и библиотекари —
были недовольны тем, что я
«поднял руку» на народный
эпос, говорили, что теперь я
и не знаю, как объяснять учени-
кам его величие и значе-
ние. Но вот, вообразите, не
прошло и года, как те же лю-
ди стали присылать мне из-
винительные и благодарные

письма. Оказалось, что в би-
блиотеках эпос начал пользо-
ваться необычайным спросом,
значительно возрос к нему
интерес и в школах.

KOPP: Итак, новый пара-
докс. Как вы сами его объяс-
няете? Как получилось, что
именно ваш бурлеск побудил
читателей заново обратиться
к Крейцвальду?

Э. Ветемаа: Думаю, мой
читатель шел к «Калевипоз-
гу» тем же путем, что и я
сам. Дело в том, что для мно-
гих (и это не секрет) эпос,
записанный Крейцвальдом,
— область как бы доскональ-
но известная и совершенно
неизвестная одновременно. С
детства мы видим эту книгу
на книжной полке, разгляды-
ваем «картинки», потом изу-
чаем текст в школе, читаем
исследования, но все это вме-

ведь не одна доброта, но и
едкая ирония сквозит в кни-
ге, особенно в стилистическом
ее решении. Обороты совре-
менной разговорной речи,
включая вульгаризмы и кан-
целяризмы, мешаются с обо-
ротами поэтическими. Язык
современных газетных ста-
тей мешается с языком эпо-
са. Этот неожиданный
сплав...

Э. Ветемаа: ...средство иро-
нии против тех, кто великое
поэтическое произведение
превращает в унылую хре-
стоматию.

KOPP: Итак, именно вы,
которого упрекали в рацио-
нализме и лабораторности
исследования жизни, высту-
паете против прагматичного
отношения к искусству. Но-
вый парадокс?

Э. Ветемаа: Я не вижу в

понять друг друга, помочь,
наконец, познать самого се-
бя, ведь книга единственный
собеседник, наедине с кото-
рым мы можем быть абсо-
лютно откровенны.

KOPP: Ваши литератур-
ные пристрастия?

Э. Ветемаа: Очень широки.
Писатели любимейшие с дет-
ства — Анатоль Франс и То-
мас Манн. Зачитываюсь До-
стоевским и Булгаковым, из
современников очень высо-
ко ценю Трифонова и Рас-
путина. Из эстонских коллег
— Яка Кресса и Мати Унта,
из молодых — Мари Саат.
Список можно было бы про-
должать и продолжать.

KOPP: Среди любимых вы
называете писателей, чей
творческий метод очень и
очень отличается от ваших
собственных устремлений...

Э. Ветемаа: Писатели, це-
нящие только себе подобных,
напоминают мне крайних
эгоцентриков, интересую-
щихся только собой, своей
квартирой, своей мебелью,
видом из своего окна. Инте-
ресны ведь и люди, и книги
как раз тем в первую оче-
редь, чем не похожи они на
тебя самого.

KOPP: Вы сказали «и лю-
ди». А между тем в вашем
творчестве очень трудно
сыскать персонаж, которого
с полным правом можно бы-
ло бы назвать положитель-
ным героем. Исключение со-
ставляет, возможно, лишь
Айн Саарма, противопостав-
ленный в «Монументе» праг-
матичному карьеристу Свену
Вооре. Да и то тут на нас
действует традиция, по кото-
рой все, что подавляется
злом, автоматически зачис-
ляется в добро. Ведь, в кон-
це концов, и фигура Айна,
талантливый, но безвольный
человека, вызывает скорее
жалость, чем уважение. По-
чему же только эти люди, от-
равленные карьеризмом, се-
бялюбием, голым и холод-
ным прагматизмом, привле-
кают ваше внимание?

Э. Ветемаа: Разумеется, не
потому, что они полностью
противоположны мне — я
отнюдь не считаю себя чело-
веком идеальным. Да, я ду-
маю, и нет совершенно иде-

этом ничего парадоксального,
но, впрочем, пусть этот во-
прос решают критики.

KOPP: Энн, свое отношение
к литературным ценностям
вы достаточно четко опреде-
лили в «Воспоминаниях Ка-
левипозга». А как вы вооб-
ще оцениваете роль и место
книги в сегодняшней жизни
людей?

Э. Ветемаа: Не буду пов-
торять общих мест о радио
и телевидении, которые пы-
таются потеснить книгу. Рас-
скажу одну историю, взятую,
как говорится, прямо из жиз-
ни.

Разводятся муж с женой.
Расстаются потому, что их
вкусы и взгляды на жизнь
совершенно не совпадают.
Спокойно и без разногласий
делают имущество. Подходят
к книжному шкафу. И вот
тут выясняется, что книги-то
поделить они не могут, ибо
любят одних и тех же писа-
телей, одни и те же произве-
дения. Разговор о литературе
постепенно приводит их к
мысли о том, что, в общем-то,
и вкусы, и взгляды их не
столь уж разнятся. И, словом,
семья сохраняется...

Знаете, лично мне эта ис-
тория представляется не
только забавной, но и поучи-
тельной. Конечно, книга не
может переделать мир и не
может переделать людей, но
может сблизить их, помочь

сте сливается в такой не-
приглядный и незыблемый
«хрестоматийный глянец», что
просто не приходит в голову
взять книгу и насладиться ее
текстом, забыв об учебниках
и толкователях. То есть со-
вершить самостоятельный
творческий акт, который не-
изменно требуется от читате-
ля выдающегося произведе-
ния.

KOPP: Вы боялись, что
«Калевипозг» превратится в
«многоуважаемый шкаф»?

Э. Ветемаа: Да. И вот од-
нажды я снял книгу в кожаном
переплете с полки и, от-
бросив всякую предвзятость,
прочел ее. И я увидел, что
Калевипозг не только сим-
вол, не только легендарный
герой, но и просто живой,
очень понятный человек. Не
очень счастливый, не очень
удачливый, мудрый и наив-
ный, добрый и неловкий, сме-
лый и незадачливый. Чело-
век, который не может не вы-
зывать любви, не может не
тронуть сердца.

И тогда я развернул про-
жекторы, по-иному поставил
свет — и вот получились мои
«Воспоминания Калевипоз-
га».

KOPP: Стереть «хрестоматий-
ный глянец», смело при-
коснуться к памятнику ру-
кой, снять с него все нанос-
ное и высокомерное — цель
замечательная, добрая. Но